

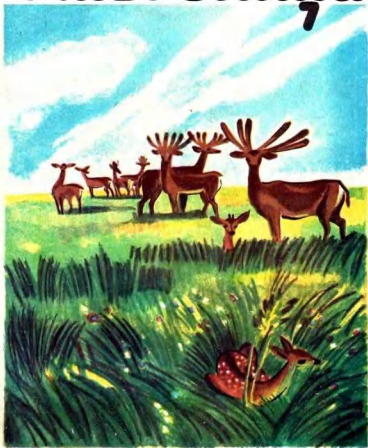
ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА
ВСЕСОЮЗНОЙ ГЛАВЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА ДЛЯ ОКТЯБРЯ

1984

МУРЗИКА

7

ПРАЗДНИК КРАСНОЙ ЗВЁЗДОЧКИ

школе, как теперь, а при фабриках, заводах, железных дорогах, типографиях. Собирались вокруг отрядов группы младших, и называли их по-разному: «красные цветочки», «красные зёрнышки», «муравьи», «шоробили», «майчата».

В Москве в 1923 году при карандашной фабрике пионеры собрали семилетних ребят. Посчитай, тогда Октябрьской революции шёл седьмой год. Вот и называли ребят октябратями. Слово это пришло к нам по дуге. Всё самое дорогое мы связываем с

С. Митрофанов, 1964 г.

Октябрём 1917 года. Страну нашу зовём родной Октябрь. Знамя наше — знаменем Октября.

Осенью 1924 года партия сказала своё слово о том, что теперь имя «октябрат» будет носить все младшие школьники, которые идут на смену пионерам. Было это шестнадцать лет назад.

С той поры октябраты и пионеры всегда вместе. У них общие дела, общие заботы, и делают они всё по справедливости: пионерам — что потруднее, посложнее, октябратам — что полегче.

Пионеры учат тебя выполнять правила октябрат, вместе с тобой отправляться в удивительное путешествие по просторам нашей Родины, а самое главное — помогают подготовиться к тому торжественному дню, когда тебе повяжут пионерский галстук.

Хорошие у тебя друзья, надёжные, верные.

Вместе с тобой они встречают праздник 60-летия октябратских групп.

С праздником, дорогой друг октябренёк!

Дорогой октябренёк!

Ты гордо шагаешь под красным октябратским флажком вслед за своими вожатыми — пионерами. Ты учишься у них трудиться, заботиться о людях, беречь родную природу.

А всего в нашей стране 13 миллионов ребят, таких же как ты: дружных, весёлых, работающих, слыми звёздочками на груди. Вот такая огромная октябратская семья.

Начиналась она с того, что в далёкие двадцатые годы твои ровесники — ребята семи-восьми лет — очень тинулись за старшими братьями и сёстрами.

Пионерские отряды тогда были не в

Г. ЛАДОНЩИКОВ

Степан ЖУПАНИН

ЛЁН ЦВЕТЁТ

День погожий.
Небо чисто,
Словно кто его подмёл.
Лён зелёный, шелковистый
Неожиданно зацвёл.
Стало празднично и ново,
Ярче стал родимый край.
От разлыва голубого
На душе в июле май.

РОЖЬ ПОСПЕВАЕТ

На горе за рощей
Зреет хлеб хороший:
Зёрна наливаются
В ласковом тепле,
Колоски тяжёлые
Наклонили головы,
Благодарно кланяются
Матери-земле.

С украинского

Рис. С. ДЕНИСОВА

Переводы Г. ЛАДОНЩИКОВА

Нугман РАЗЫК
ЦВЕТОК АБРИКОСА

Смотри, пчела,
Какой цветок!
Возьми скорей
Душистый сок!

Присядь, пчела,
На абрикос,

В нём аромат
Весенних рос.

Зачем тебе
Пустой полёт?
Бери нектар —
И делай мёд!

Я—ПАСТУХ

У подножья гор высоких,
На лугах,
В степи широкой —
В самых красочных местах
Я бываю неспроста.
Я работаю, гуляя
По земле родного края.
Я — пастух.
Вокруг ягнята,
Пёс мой верный
И козлята.

Слышу говор водопада,
Пенье горных куропаток.
Свежим воздухом дышу,
Под деревьями сижу,
Наслаждаюсь в полдень тенью,
Пряным запахом растений...
Силу дарит мне земля.
Тут всему хозяин я!
Я на общество тружусь
И профессией горжусь!

С таджикского

РАССКАЗЫ О НЕЧЕРНОЗЕМЬЕ

Мурад АДЖИЕВ

ГРИБНАЯ
И ЯГОДНАЯ
ЗЕМЛЯ

Летом я собрался поехать в колхоз «Путь Ленина» — очень знаменитый колхоз в Кировской области и во всем Нечерноземье. И взял с собой сына Антошку. Пусты, думаю, посмотрит, откуда хлеб и молоко к нам приходит. Будет что в школе рассказать.

Как только приехали, устроились, сразу же в лес пошли. Давно мы там в хорошем лесу побывали.

— Ну и лес, — воскликнул Антошка, — дремучий-то какой! Высоchenные елки тесно росли одна к одной. Крутом иранно, сыро, прохладно.

Зато грибов... Столько грибов я в своей жизни не видел. То белые, то маслята, то подосиновки попадались. Не сырешки мы и не гляделки.

— Папа, смотри! — вдруг крикнул Антошка. Я даже замер. Под елкой стоял гриб-боровик, да какой. Шляпкой ведро накрыть можно.

Сорвали мы гриб-великан, и всё — полная корзинка.

КАК
ЛЕЧАТ
ЗЕМЛЮ

— Придётся возвращаться, — говорю.

...А год в лесу ещё больше, чем грибов. Поляны, как в сказке, красивые ст. ягод.

Нам рассказали, где земляничные места найти, и мы пошли. Тропинка бежала по полю. А казалось, что мы в море-океане, на зелёных волнах. Зелёные волны — это лён-лёнок.

Лучшие земли в колхозе «Путь Ленина» отдали льну.

— Когда лён созреет, вместо цветков будут шарки с семенами, — объясняю я Антошке. — Ветер ударит один шарик о другой, и вылетят дикие звуки, будто ожили тысячи маленьких погремушек.

— А зачем нужен лён? — серьёзно спросил Антошка.

— Сначала нитки из него делают, а из ниток — полотно. А из полотна — рубашки, платья сошьют. Из семян льна масло давят. Самое полезное масло на свете...

Идём, а лянному полю ни конца ни краю. — А почему так? — спрашиваю я Антошку. — Но вот тропинка к лесу свернула. Перед лесом — овражек, а на склоне овражка красным-красно от ягод.

Богатые леса в Нечерноземье... Да одно плохо: много в тех краях болот.

В каждом колхозе самый главный человек — председатель. Александр Дмитриевич Червяков — председатель в колхозе «Путь Ленина». Он Герой Социалистического Труда. Очень интересно было с Александром Дмитриевичем ездить по колхозу. Он всё о колхозе знает.

— Поехали, я вам наши поля покажу.

Мы с Антошкой сели в машину, а за руль — Александр Дмитриевич. Едем.

— Вот здесь раньше болото было. Оно каждый год новые земли захватывало. Но мы нашли на него управу. Теперь вот, видите, рожь здесь растёт.

— А какую управу вы нашли? — спросил Антошка.

— Самую простую. Сейчас увидите. У нас в Нечерноземье богатых урожаев не получим, если землю не вычленим. Нам от болот, всё от болот избавлять приходится. Лечат колхозную землю мелиораторы. Они от болота к речке прокопали каналы, чтобы болотная вода по ним стекала. Тогда земля высыхает и болото исчезает. Вот, Антон, видишь каналы, что через поле идёт. Это и есть наша управу.

— Так просто? — удивился Антошка.

— Просто! Всё в жизни просто и легко только кажется. Пока сам не попробуешь. Помучились мы с этими канавками. Очень трудно их было копать. Два раза трактор в болоте проваливался. По самую крышку в землю уходил. Тягачом потом вытаскивали, когда земля подсыхала. Но ничего, дело прошлое. Когда болото небольшое, то поступают иначе: закладывают трубы, и по ним вода в речку стекает.

Мы ехали, а рядом с дорогой низко кланялась рожь. Урожай поспевал, колос зерном нагибался. О болоте здесь ничто не напоминало.

— Но осушенная земля — ещё не вычленившая земля, — говорит Александр Дмитриевич. — Она не даст богатых урожаев. Потому что в ней мало пищи для растений. Ведь чтобы жить, растения, как и люди, должны хорошо питаться. И у них есть любимые кушанья.

Удобрения — вот что вкуснее всего для растений. Вот без чего не может жить ни пшеница, ни рожь, ни лён.

Удобрения делают землю доброй. А доброй, щедрой земле есть чем посеять накормить.

ОКТАБРЯТА —
ПО СТРАНЕ
ОКТАБРЯ

**ГОРОД —
НЕ ГОРОД,
СЕЛО —
НЕ СЕЛО**

Очень большой колхоз «Путь Ленина», за день не объедаешь. До вечера проездили мы. А когда вернулись, Антошка спросил: — Пап, а почему мы нигде деревни не видели? — Э-э, в этом-то весь секрет колхоза «Путь Ленина», здесь колхозники в одном большом поселке живут.

Их поселок Юбилейный очень похож и на город, и на село. В одной части все дома двухэтажные, кирпичные, как в маленьком городе. И магазины здесь тоже самые что ни на есть городские — светлые, просторные.

— Сегодняшние колхозники, — сказал Александр Дмитриевич, — как горожане живут.

А сам Александр Дмитриевич жил в одноэтажном деревенском домике. Около его дома много других домов с садами и огородами, с сараями для коров, поросят, кур.

Словом, в этой части поселка все-все как в самой настоящей деревне.

Город — не город, село — не село. Такой поселок Юбилейный.

Пока коровы едят и пьют, доярки им вымя обмывают и надевают на вымя доильную машинку.

Тик-так, тик-так... Как часы заработала машинка. И по стеклянной трубке потекло теплое парное молоко.

Трубка эта длинная, она, как змейка, тянется через весь коровник к холодильнику. И называется она молокопровод.

Зной, когда пастбища под снегом, телята живут на животноводческом комплексе. Самые маленькие телятки — в большой теплой комнате, у каждого свой загон. Эти телятки еще не могут стоять. Ножки у них тоненькие, слабенькие. Они лежат целый день на опилках, греются. А телятницы из соски поят их молоком, дают кисель и вкусную сладкую кашу.

Быстро растут телята. И скоро их выпускают в младшую группу, в общий загон. Здесь кормушка, в которой каша, кисель. Телята учатся пить из чашечки-поилки.

Смешно смотреть на телят в загоне. Они бегают друг за другом, задржав хвосты, будто в салочки играют.

Еще через месяц телят, уже подросших, переводят в следующую группу, самую неспокойную. Почему неспокойную? Потому что здесь телятам дают взрослую коровью еду. Вот они и возмущаются, мычат, жалуются. Сладкого молочка просят.

А когда телята совсем уж станут большими, их берут в летний лагерь. Подрастают телята — и пополняется колхозное стадо.

**РАДИ
ПОЛНОЙ
ЖИЗНИ**

Чтобы больше было мяса, молока, овощей, хлеба, чтобы лучше питались советские люди, есть у нас Продовольственная программа.

В Продовольственной программе говорится, что надо сделать колхозники и всем труженикам нашей великой страны, чтобы еще богаче и краше — полной кашей — была наша с вами жизнь, ребята. Для того и обновляется земля Нечерноземья.

С неохотой уезжали мы из колхоза «Путь Ленина».

Лето на исходе. И скоро Антошке в школу.

До будущего года, поселок Юбилейный! До нового урожая, колхоз!

Рис. В. ЧАПЛИ

**НОВЫЙ
УРОЖАЙ**

День и ночь идет уборка хлеба. День и ночь грузовики везут зерно на элеватор. Так называется дом-башня, где гранят зерно.

Но сперва зерно сушат в зерносушилках. Сухое зерно хранится долго.

Из зерносушилки зерно льется не ручейком, а рекой. Льется в зерноочистительные машинки.

Мы видели, как у машинки вырастает гора золотых зерен. И рядом бугорки грязи, которая в зерно забралась.

Только чистое, сухое зерно в колхозе «Путь Ленина» отвозят на склад зимовать. Это зерно на семена.

А еще в колхозе «Путь Ленина» зерно оставляют на крупу. А из крупы варят кашу для коров, для телят, для свиней и поросят.

Очень много нужно каши. Ведь в колхозном стаде тысячи коров и телят, сотни свиней и поросят. Всем им каша по вкусу.

Отведав горячей каши, коровы дают больше молока. А телята и поросят быстрее растут.

Десять белых длинных домов стоят в два ряда: пять — по одну сторону улицы, пять — по другую. А кругом теплый запах. Пахнет сеном, силосом и молоком.

На одной стороне улицы живут телята, на другой — коровы. В каждом доме двадцать коров. Это животноводческий комплекс колхоза «Путь Ленина».

Приходят доярки и первым делом коровам корм дают. Сено коровы на комлексе едят мало. Есть кое-что повкуснее. Силос, сенаж, травяная мука. И конечно, каша.

Эти корма привозит в тележке трактор. Он едет по коровнику и наполняет кормушки.

Каждая корова знает свое место в коровнике. Поэтому едят они тихо, спокойно, никому не мешают.

Рядом с кормушкой чашечка-поилка. Очень хитро придумана. В чашечке-поилке лишь чуть-чуть, на самом дне, воды. Захочет корова пить, ткнется носом в чашечку-поилку. И потечет из крана вода.

**ГДЕ
ЖИВУТ
ТЕЛЯТА**

СЕНОКОС

Над Притомьем выметались травы,
Над водой кудрявится туман.
Разгулялись в луговой отаве
Звончатые косы северян.

У косыбы неповторимый голос:
Косари бредут — за взмахом взмах.
И трава им кланяется в пояс,
И роса дымится на ногах.

Притомила косарей работа —
Потрудились жарко косари.
И в траве роса иль капли пота?
На косыбе попробуй разбери.

Но зато зимой сибирской долгой,
Когда избы спрячутся в снегах,
Вспомнят лето и бычок, и телка,
И коняга с сеном на губах.

ГРИБНАЯ СЧИТАЛКА

Я вошёл в тенистый бор
И увидел мухомор,
Сыроежку,
Зеленушку,
Розоватую
Волнушку,
Боровик,
Моховик,
Ежевик
И дождевик,
Два опёнка,
Два сморчка,
Три маслёнка,
Два строчка.
Ну а ты, шампиньон,
Выходи из круга вон!
Ты не здешний,
Не тайжский.
Целый кон
Считай ворон.

ЗВЕЗДЫ В КОТЕЛКЕ

— Кто хлебал из звёзд уху?
— Не мелите черуху!
— Кто пилал с луною чай?
— Вам не снится незначай?

— Я обманывать не стану.
Как увидите дымок —
Приходите на поляну,
Загляните в котелок.

НА ЧАБАНСКОЙ СТОЯНКЕ

Какая тишь!
И дикий запах лука.
Скользнуламышь,
И снова спит округа.
Но посреди степи горит звезда,
Зажжённая людьми,
И варится еда,
И чабаны ведут неспешно речи,
И пыльной шерстью
В сумраке овечьем
Бугрится степь,
И пахнет молоком,
И якусный пар
Встаёт над котелком.
И песнь струится
На степном наречье,
И лошадь стоя
Спит под чепраком.
А на кошме —
Седой бурят-старик
К походяному транзистору приник.
Вот бьют куранты...
Ночь. Костёр. Слова...
В чабанской юрте
Говорит Москва.

ТОМЬ-РЕКА

Хороша Томь-река, широка.
Отдыхают в глуби облака.
Повалившись на травы-перинки,
В пойме ветры пахучие спят,
Сухат радуги пёстрые спины,
Над тайгой полыхает закат.

Но, почуя глубинную силу,
Изогнулась река, словно рысь.
Сколько лодок она погубила!
Сколько скал опрокинула вниз!
Побуянии в верховьях немножко,
Постепенно добреет река
И домашнею ласковой кошкой
Мягко трётся тайге о бока.

Рис. В. ДУВИДОВА

ЗЕМЛЯ С ГОЛУБУМИ ГЛАЗАМИ

ЛЕТОПИСЬ
ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

Владимир ЛИПСКИЙ

В народе озёра называют глазами земли. Их в Белоруссии около одиннадцати тысяч. Ясной голубизной, чистые, как росинки. В них можно заглянуть, будто в зеркало.

В герб республики вписан цвет льна. Они ярко-голубые. А представьте: цветут тысячи гектаров льна. Сколько голубых глаз смотрят тогда в чистое небо над войной Белоруссией!

Но не всегда небо над Белоруссией было чистым и голубым. Оно пылало в пожарах войн.

Тяжёлый удар нанесли республике фашистские варвары. В годы Великой Отечественной войны от их рук погиб каждый четвёртый житель. Оккупанты сожгли и разрушили 209 городов, 9200 деревень.

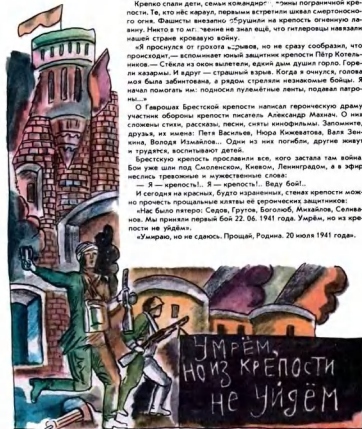
Сегодня в Белоруссии праздник — сорокале-

тие освобождения республики от немецко-фашистских захватчиков.

В Белорусской битве гитлеровские войска потерпели сокрушительное поражение. Наши воины окружали их, не давая возможности проваться на запад. Так было у города Витебска, у города Бобруйска, больше ста тысяч фашистов попали в окружение около города Минска.

Столица нашей Родины — Москва сорок с лишним раз салютовала войскам, освобождавшим Белоруссию. 17 июля 1944 года по улицам Москвы были прокопированы немецко-фашистские солдаты, офицеры и генералы, взятые в плен в Белорусской битве. Их было 57 600, три часа под гнетом их издательства москвичей шли те, кто мечтал пройти по Москве парадным маршем. Город Минск — столица освобождённой республики — отметил победу над врагом парадом белорусских партизан.

КРЕПОСТЬ- ГЕРОИ

В музее обороны Брестской крепости хранится будильник. Разбитый циферблат, обгоревшие стрелки. Многие годы они показывают одно и то же время: четыре часа. На рассвете нового дня останавливался будильник.

Было это 22 июня 1941 года. Началось воскресенье, счастливый день отдыха, мирной тшкшны.

Крепко спали дети, семья командир... «Гитлы пограничной крепости. Те, кто нёс караул, первыми встретили шквал смертоносного огня. Фашисты внезапно обрушили на крепость огненную лавину. Никто в то мг. времени не знал ещё, что гитлеровцы навязали нашей стране кровавую войну.

«Я проснулся от грохота срывов, но не сразу сообразил, что происходит, — вспоминает юный защитник крепости Пётр Котельников — Стёкла из окон вылетели, едкий дым душил горло. Горели казармы. И адут — страшный взрыв. Когда я очнулся, голова моя была забитована, в рядом стрелял незнакомые бойцы. Я начал помогать им: подносил пулёмётные ленты, подавал патроны...»

О Гвардии Брестской крепости написал героическую драму участник обороны крепости писатель Александр Мазин. О них сложены стихи, рассказы, песни, сняты кинофильмы. Запомните, друзья, их имена: Пётр Васильев, Нюра Кижикова, Валя Зенкина, Володя Измайлов... Одни из них погибли, другие живут и трудятся, воспитывают детей.

Брестскую крепость прославляли все, кого застала там война. Бой уже шли под Смоленском, Киевом, Ленинградом, а в эфир неслись тревожные и мужественные слова:

— Я — крепость!.. Я — крепость!.. Веду бой!..

И сегодня на красных, будто израненных, стенах крепости можно прочесть прощальные клятвы её героических защитников:

«Нам было пятеро: Седов, Грутов, Боголюбо, Михайлов, Селиванов. Мы приняли первый бой 22.06.1941 года. Умрём, но из крепости не уйдём».

«Умираю, но не сдаюсь. Прощай, Родина. 20 июля 1941 года».

ОГНЕННЫЙ ЛЕТИЧК

Почти месяц войны крепости отбивали жестокие атаки врага. Среди них были сыновья тридцати национальностей СССР. Вот такие сплоченный отрядом сражалась Брестская крепость. До последнего патрона, до последнего бойца.

Всему миру известны имена ее героев — майора П. М. Гаврилова, капитана В. В. Шабловского, лейтенанта А. М. Князеватова, полкового комиссара Е. М. Фомина...

Над Брестом и крепостью — тишина. Плавно перекачиваются волны пограничных рек Буга и Мухомца. В кустах поют птицы. Солнце ласкает лица людей. Со всех концов страны и мира бесконечным потоком идут они к мемориалу мужества. Несут цветы, свою любовь и уважение защитникам бессмертного гарнизона.

Шёл пятый день войны. Враг наступал. Горели города и села. Гибли люди.

Командир эскадрильи капитан Гастелло получил приказ:

— Вылететь, разбомбить танковую колонну фашистов!..

Каждому собрал своих лётчиков.

Гастелло пожал руку, посмотрел в глаза:

— Держитесь... Сразиться будем до последнего вздоха!..

Один за одним с аэродрома под Смоленском поднимались в воздух наши бомбардировщики. Направление одно — Белоруссия. Там шли бои.

О чём думал в те тревожные минуты лётчик Николай Гастелло? Вспоминал, видимо, отца и мать, брата Виктора, сестру Нину, жену Аню. Всем им послал письмо в Москву.

Теперь будто перечитывал его:

«Мы, авиаторы, наносим тяжёлые бомбовые удары по врагу. Бьём непрощённых гостей — фашистов.

Настроение боевое. Будем воевать как полагаётся. Держитесь, мои дорогие, не печальтесь, не падайте духом. Врага разобьём! Победа будет за нами!..»

Письмо писал 23 июня 1941 года. Второй день гремели бои.

А может, вспомнил Николай Гастелло, как сбил гитлеровского лётчика.

Немецкий самолёт неожиданно появился над нашим аэродромом. С высоты сто метров обстреливал самолёты, которые стояли на земле.

Гастелло в это время был на аэродроме. Он быстро вскочил в свой самолёт и, заняв место стрелка, открыл пулемётный огонь по вражескому самолёту. Подбил его, ранил лётчика. Им оказался фашистский офицер, награждённый тремя гитлеровскими крестами.

Всперев видел Гастелло врага. Встретились взглядами. Завоеватель нагло рассматривал нашего лётчика. Понял Гастелло: никакой пощады фашистам!

В тот же день, 24 июня, он написал на своей навигационной линейке: «Лучше смерть, чем плен».

Теперь по этой линейке капитан Гастелло определял высоту полёта, скорость своей машины. Приближалась белорусская земля. Тревожно гудел тяжёлый бомбардировщик.

Родители Николая Гастелло родом из Белоруссии. Где же та родная деревенька Плужаны? Отец Фрац и мать Анастасия всё собирались показать её детям. Жаль, не успели.

Гастелло посмотрел вниз. Плыли чёрные пороховые облака. Земля светилась от огненных зарниц. Начиналась линия фронта.

Капитан бросил взгляд на своих боевых друзей — штурмана Ангелию Бурданюка, воздушного стрелка Григория Скорогатов, стрелка-радиста Алексея Калинин. Подбодрил их: «Всё в порядке, ребята!.. Сейчас начнём!..»

Под самолётом Гастелло оказалась лента шоссе Молодечно — Минск. По ней, словно чёрная змея, ползла колонна фашистских танков. Гастелло направил свой ТБ-3 вниз.

Экипаж героического самолёта жил сейчас только одним: удерживать гитлеровцев, не пустить в Минск. На вражеские стальные машины посыпались бомбы.

Гастелловцы полностью израсходовали боеприпасы, а когда отлетали, их самолёт настиг немецкий снаряд. Загорелся бензобак. Ярким факелом пламя охватило весь бомбардировщик. Осталось одно мгновение для принятия решения. Что делать?

Николай Гастелло был опытным лётчиком. Он уже девять лет летал на различных самолётах. Участвовал в боях на реке Халхин-Гол, воевал на Финляндском фронте, освобождал Западную Белоруссию. Теперь отважный сокол оказался с перебитым крылом. Решение одно: идти на таран.

Гастелло приказал экипажу:

— Покинуть машину!.. Буду таранить фашистские танки!..

— Мы с тобой, командир! — ответил экипаж.

Алексей Калинин послал радиogramму на свой аэродром: «Идём на таран, Прохор Родн...» Последние буквы радист не успел передать. Пылающий самолёт врезался в сплотившиеся боевые машины врага...

Так погиб героический экипаж, командиром которого был огненный лётчик Николай Францевич Гастелло. Ему присвоено звание Героя Советского Союза, а его боевые друзья посмертно награждены орденами Отечественной войны первой степени.

Гастелловцами называют себя ученики Радошковичской школы-интерната, недалеко от которой совершили подвиг мужественные лётчики.

Есть в нашей стране немало пионерских дружин имени Гастелло. Звёздными путями идут юные наследники героев к вершинам своей славы. Пусть же всегда примером служат им бессмертный подвиг Николая Гастелло!

Перевод с белорусского

Рис. Л. НИЖНЕГО

ТРЫНЦЫ -
БРЫНЦЫ,
БУБЕНЦЫ!

Подогрела чайка чайник,
Пригласила восемь чаек:
— Приходите все на чай.
Сколько чаек? Отвечай!

Рис. Ник. ПОПОВА

БИБО

Реваз ИНАНИШВИЛИ

Бибо маленький мальчик. Ну, конечно, маленький, ему и пяти лет ещё не исполнилось. Он спит в длинной ночной рубашке. Откинул одеяло и поспыивает во сне: тяжёлый и крепенький, ровно дынька на грядке. Но когда кто-нибудь говорит ему, что он маленький, Бибо обижается. «Маленький не я, а наш Робизонка», — отвечает он. Робизонка — двоюродный брат Бибо. Он всего-то месяцев на десять младше Бибо, но Бибо обходится с ним совсем как взрослый.

Из страха перед Бибо никто из мальчишек не смеет обидеть Робизонку. А если всё-таки обидит? Тогда Бибо вздохнёт глубоко, наберёт побольше воздуха, раздует щёки и как сверкнёт глазами. Ну как тут не заробеть!..

Он не как некоторые избалованные и привереды, от которых нет покоя ни маме, ни бабушке. И кормят-то их насильно, а улягутся спать — рассказывать сказки, иначе не заснут.

Бибо сам садится к столу, расправляет салфетку на груди, берёт ложку, большой кусок хлеба и неторопливо, деловито уминает. Поест — попросит чаю. И чай он пьёт не спеша, со вкусом. Утирает губы, совсем как взрослый мужчина говорит: «Спасибо хозяйке» — и встает из-за стола...

Ночь. Мама сидит за швейной машинкой, бабушка стегает одеяло — её сверкающая иглолка прокладывает ровные стежки.

— Вам сегодня больше ничего не надо? — спрашивает Бибо.

— Нам надо, чтобы ты был здоров и весел, сынок! — отвечают мама с бабушкой. — Ложись теперь — и баиньки.

Бибо поглаживает своей большой, округлившийся после ужина живот, надувает щёки — не любит, когда мама с бабушкой нежничают с ним как с маленьким. Но он не ляжет, пока ещё раз не выйдет из дому и не посмотрит на дорогу — не едет ли отец. Его отец шофер. Он водит огромный ЗИЛ и иногда неделями пропадает в Кизляре. Вот и теперь он в далёком Кизляре, и в его ожидании Бибо не может оторвать глаз

от дороги. Выйдет на балкон, упрёт руки в бока. Внизу темнеет просторная долина Иора, по ту сторону долины поднимается гора, по горе стелется дорога, и по ней светлячками ползут машины. «Хоть бы вон та или вот эта была машина моего отца!» — загадывает Бибо. Но машины не сворачивают в долину, а уходят в сторону Гомбори, и Бибо делается тоскливо и грустно.

— Эге-гей! — шлёт он им велед значный мужской клич.

Но откликаются не с дальней дороги, а из соседнего дома:

— Эге-гей, Бибо! — Это Робизонка. Он тоже выходит на балкон и, радостно вскинув руки, точно они давно не виделись, кричит: — Бибooo! Бибooo!

Бибо не любит, когда кто-нибудь нарушает ход его мыслей, но ведь Робизонка маленький, что с него спрашивать, и потому он снисходительно, как добрый старик, поучает его:

— Ну чего расшумелся! Тебе спать давно пора, парень. Сейчас же ложись в постель!

И, не дожидаясь, когда Робизонка исчезнет в доме, сам возвращается в комнату, не спеша раздевается, аккуратно складывает одежду, забирается под одеяло и засыпает.

До рассвета ещё далеко, когда он вдруг просыпается. Мама и бабушка спят. Ему жалко их будить. Лежит тихоноко, хлопает глазницами и ждёт, не проснутся ли. Но они не просыпаются.

— Ба! — тихоноко зовёт он.

— Что тебе, голубок! — тут же откликается бабушка.

— Дай немножко хлеба с маслом!

Бабушка приносит увесистый кусок хлеба, щедро намазанный маслом. Бибо ест и думает... Угу, о чём только он не думает. На свете столько всего!.. Отец всё ещё не вернулся из Кизляра. Дорога туда долгая. По одну сторону дороги чёрные скалы, по другую — пропасть и Терек весь в белой пене. Ага, Терек в пене!.. А между гор туман клочьями. А на дорогах лихие шофёры, обвалы и ещё тысячи опасностей... А отец горяч, всегда спешит. Ну, зачем он спешит? Когда едешь медленно, тогда всё на дороге видно. Он сказал, что скоро и его возьмёт с собой. Вот будет дело! Вот это да-а... Ест Бибо и думает обо всём, думает и засыпает.

Когда он опять просыпается, на дворе ясное утро, всё пробудилось. Мама ушла в колхоз, бабушка гремит чем-то в марани. Огромное солнце стоит между двумя столбами на балконе и ждёт Бибо. И Бибо выходит — босиком по тёплой полу, протирает глаза. По ту сторону балкона между столбами стоит солнце, по эту — Бибо. Какое-то время они разглядывают друг друга, как упрямые бычки. Потом Бибо отворачивается, дескать, незачем мне с тобой связываться. Он одевается кряхтя и отдуваясь, с героическим упорством зашнуровывает башмаках и спускается во двор.

У Бибо дел неуворот: надо залезть в курятник, посмотреть, снесла ли Хохлатка яйцо. Надо отвязать собаку и сравить с соседским псом. И острогу

секача на айве проверить надо. Вчера на строительство школы привезли подъёмный кран, посмотреть бы, как он там работает... А главное... эта забота тучей лежит на сердце у Бибо — отец всё ещё не вернулся из Кизляра. Ээ-эх, отец всё ещё не вернулся из Кизляра...

— Бибо! Здорово, парень! Здорово! — окликают проходящие мимо двора соседи.

— Здравствуйте!

— Как поживаешь, Бибо?

— Что-то на сердце у меня неспокойно.

— В чём дело, парень? Что случилось?

— Отец в Кизляр уехал, вот я и...

— Вернётся твой отец, не тужи.

— Кто его знает. Дорога, лихачи шофёры ездят, обвалы случаются... Да чего только не бывает...

— О-хо-хо! Ну и парень! — удивляются соседи и уходят, пожимая плечами. — Что за малый, люди добрые. Что за чудной мальчишка! Хотел бы я поглядеть, каким он вырастет!

— Я буду шофёром, — отвечает Бибо.

— Ну, молодец! Сказал — не сворачивай! — радуются соседи. Радуются, потому что знают — из него получится толковый шофёр: если кого посадит в машину, повезёт не спеша, без горячки, где и в объезд поедет, крюка даст, но зато с миром доедет до дома.

Такие рассудительные, толковые шофёры очень нужны людям. И все желают ему:

— Расти большой на радость отцу с матерью!

И Бибо растёт. Ступает по просторной сильной земле и, пока не вырос большой и не стал шофёром, улаживает свои детские дела неспешно, пыхтя и отдуваясь, с героическим упорством.

А по небу за ним всюду катится его большой друг — солнце.

*Перевёл с грузинского
Александр ЭБАНОИДЗЕ*

Рис. В. ЛОСИНА

ПРИКЛЮЧЕНИЯ МУРЗИЛКИ

Маша и Мурзилка гуляли.

— Удивительный цветок!

— Как он называется?

— Сейчас узнаешь...

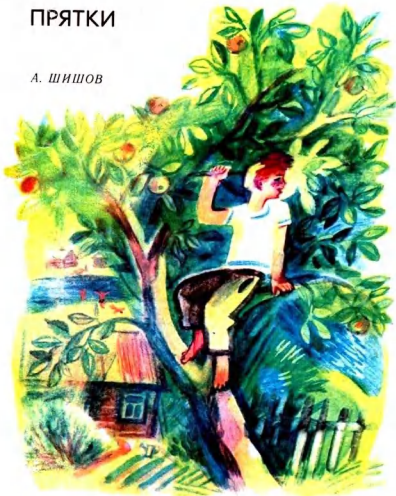
— Фу-у-у!

— Так это же одуванчик!

ПРЯТКИ

А. ШИШОВ

На усадьбе за нашим двором растут яблони, вишни, черёмуха. Володя и его младшая сестрёнка Ляля очень любят здесь играть в прятки. А с ними тут как тут бабушка Федосья, подобрав фар-тук, пропалывает грядки.

Жарко сегодня с утра, а в полдень тем более: бабуся спустила с головы платок — припотела. Уйти бы в тень, а то и в дом, да вот внучата за её приглядом. За Володиёй можно и не глядеть, он уже большой, а Лялю не выпускай из виду: каждый её может обидеть.

— Далеко не убегайте, — наказывает им бабушка.

— Ладно, мы здесь...

Прятки — затейливая игра. Шутки да потешки... А за это время сумей спрятаться, чтобы тебя поискали. Лялю легко найти. В серёном платнике она затанет где-нибудь под кустом вишни и тоненьким голоском крикнет:

— Пора...

Володя хитёр, смекалист, услышит, откуда сестрёнка крикнула, а то ещё одним глазом и подглядит. Побегит и сразу найдёт.

Опять Ляле водить.

Ляля честная в игре: закроет ладо-нями глаза плотно-плотно, без единой щёлочки, и ждёт, когда Володя схоро-нится и крикнет «пора».

Ляля обрадуется, побежит туда, от-куда крикнет брат, а там его уже нет. Он успел перебежать на другое место и так спрятался, словно провалился сквозь землю.

— Да где же ты, Володя? Где?

Володя, конечно, не отзывается.

Ищет, ищет его девочка. Бабушка ви-дит, игра у них неравная: Володя заво-дил Лялю. Она вся уже красная, серд-ится, чуть не плачет. Бабушке жаль внучку. Как бы ей помочь? Если ука-зать, куда Володя спрятался, — Ляля не любит этого, обидится, да и она сама то-го не знает, где Володя мог так ук-рыться.

Тогда бабушка Федосья громко го-ворит:

— Чья эта рыжая собака *чт бегает?

Володя развалил копишуку сена и вмиг выскочил из-под неё:

— Где рыжая собака? Где?

— А кто её знает где! Убегала, — опять говорит про себя бабушка, вы-тряхивая из фартука сорную траву.

Володя себя обидел. Ляля его поймала, держит за рубашку, торжест-вует. Теперь ему водить. От радости она прыгает, но радуется недолго. Спрята-лась Ляля за ту же копишуку сена, и Володя сразу указал:

— Чего же искать, вот она!

И снова Ляле водить, какая досада!.. Бабушка терпит, долго терпит: где Во-лодя? Нет Володи! Надо помогать внуч-ке:

— Ляля, на-ка тебе конфетку, — го-ворит она.

Володя проворно спрыгивает с яблo-ни:

— Бабушка, а мне?

Только он спрыгнул, а Ляля цап-ца-п его, нашла! Поймала!

Хорошо Ляле играть, когда бабушка с ней рядом.

Рис. Ю. ТРИЗНЫ

Ночевая я как-то с ребятами у реки. Ребята съезжались на лето в деревню к своим бабушкам. Слетелись со всех сторон, давно не виделись, — было им что друг другу порассказать. И я слушал их с удовольствием. Да от комаров отмахивался.

БОЛЬШАЯ РЫБА

Взял я раз удочку и пошёл рыбу ловить. Вот бы, думаю, большая рыба клюнула! Уж я бы её не упустил.

Закинул удочку и сижу. Жду, когда рыба клюнет. А рыба не клюёт. Эх, думаю, мне бы только большую рыбу на берег вытянуть, а уж тут-то я бы на неё наелся!

А рыба не клюёт.

Стал я по сторонам смотреть. И вижу: уж ползёт! Сначала я испугался. Но уж не ко мне, а к воде ползёт. Тогда я ничего.

Только отплыл уж от берега, а к нему рыбаина здоровенная! Давай ужа за брюхо хватать. Пропал уж...

А тут вдруг и у меня клюнуло! Я подождола немножко и потянул. Тяну, тяну, а удилще лоп — пополам! Я за шнур. Тянул, тянул за шнур и вытянул здоровую рыбку.

Я ей сначала обрадовался, а потом испугался. Не та ли, думаю, это рыбаина, что ужа проглотила? Боясь я к ней подойти, у неё же уж в брюхе!

Так и упустил эту рыбку: а какая была большущая да мордатая! Вот такая!

У КОСТРА

Н. Сяпков

ОН ЕЩЁ И СПРАШИВАЕТ

Взял меня отец раз в тайгу: я так обрадовался, что места себе не нахожу! Стали мы с ним жить в избушке у лесника. Живём, живём, а отец всё не пускает меня одного в тайгу. И я убеждал тайком: мне было интересно, что там, в тайге?

Вот иду я по тропинке, смотрю по сторонам. А сади вдруг — шаг! Я подумал — отец. А это не отец. Вышел из кустов зверина: ноги ходуляки, нос — валенком! Над валенком — рога, под валенком — борода. Нагнулся и давай своим валенком мои следы нюхать. Я как заорю!

А тут опять шаг — отец выходит. Я так ему обрадовался, что места себе не нахожу! Лось сразу же убежал, а отец меня спрашивает: «Испугался?

Будешь теперь один в тайгу убегать?» Очень я удивился: он ещё и спрашивает! Конечно же, буду, вон как в тайге интересно!

ВО КАКИЕ!

Выпали из гнезда сорочата. Уж как крутились над ними старые сороки, уж как кричали, но посадить сорочат в гнездо так и не смогли. Тогда мы их поймали и принесли домой. Сперва сорочата нас боялись, но уже к вечеру обжились и забыли своих родителей. Совсем их и не было!

Кормили мы их червячками, кузнечиками, булкой. Старые сороки рядом крутились, в окна заглядывали, стучали носом в стекло. Но сорочата не в окна смотрели, а в дверь: ждали, когда мы в дверь с едой войдём. И тогда так разевали красивые рты, что чуть поволокам не разрывались! Бились в истерику и орал. Жутко были прожорливые.

Прожили они у нас два дня — и ни разу на родителей не взглянули! Жалко нам стало старых сорок: зовут, зовут, а эти носы воротят. Словно не их те в гнезде высиживали.

Взяли мы небольшую корзинку, посадили в неё забывчивых сорочат и выставили в сад. Сороки сперва корзинки боялись, но сорочата так орал, что они ещё больше перепугались и стали скорее их кормить.

Долго ещё жило в нашем саду это шумное сорочье семейство. Но вот крылья у сорочат окрепли, стали они перелетать и скоро совсем улетели в лес. А на нас даже на прощание не взглянули!

Так нам стало обидно — хоть слёзы лей! Не мы ли их от смерти спасли, поил-кормили, в корзинку сажали. А они носы в сторону — и никакого внимания. Только бы свой живот набить: во какие!

ПОЧЕМУ СОРОКИ БОЛТЛИВЫ

Знаете почему? А я знаю. Уж поверьте мне.

Хорошо людям — у них всё по-другому. Ну станут там бабушкой или дедушкой — через полвека. И рады радешенки. Позови таких только: «Бабушка! Дедушка!» И готово: уже откликнутся и бегут.

А у сорок так просто не получается. У них ведь дети с первого же года жизни. Со второго — внуки, с третьего — правнуки. А сами они прадеды и прабабки. И сорочья родня кругом — по всем кустам: попробуй-ка сосзони. Как возмущается перекликаться — уши всем покажет. Только и слышишь: «Пра-пра-пра! Пра-пра-пра!» Прапрапраправнуки, прапрапрапрадедушки, прапрапрапрабабушки! Пока этих пра-пра-прапрародичей сосозвёшь, попользуются твоим вниманием!

ЛУЧШЕ БЫ СМОТРЕЛИ...

По воскресеньям мы с другом Петей по лесу блуждаем. Наденем лыжи и блуждаем. Раз блуждали-блуждали — и заблудились! Огляделись: по сторонам ёлки тёмные да валежины. А на одной валежине — зверёк полосатый.

— Барсук! — закричал я.

— Не барсук, а бурундук! — сказал Петя.

И мы заспорили.

— Да, жди, бурундук! — орал я.

— Ха-ха, барсук! — кричал Петя. — Барсук зимой в норе спит!

И так мы с Петей распорились, что дошли до драки. Покатились в снег.

— Поосторожней бей! — завопил Петя. — Лыжи ещё поломаешь!

Тут мы опомнились и поехали дальше. Но дальше уже никого не встретили.

Вот всегда у нас с Петей так: как увидим кого в лесу — сразу спорить! Спорим-спорим, кричим-кричим, а потом посмотрим — нет уже никого.

Рис. В. ХЛЕБНИКОВОЙ

САЛЮТ, МИР!

Дружно откликнулся на этот призыв пионеры и октябрята школы имени Ю. А. Гагарина из города Гагарина. Они прислали прекрасные письма, интересные и сердечные. Спасибо им!

В нашем городе есть братское кладбище. Там захоронены бойцы и командиры, погибшие при освобождении нашего города.

Ранней весной вместе с шефами-пионерами мы приходим на кладбище, приводим его в порядок. Убираем листья, подметаем дорожки.

25 сентября, в день освобождения Смоленщины, и 9 мая — в День Победы — возлагаем венки. Мы помним о тех, кто завоёвал нам мир.

Олеся КУСТАЕВА

Мне рассказывала бабушка о том, что во время войны, после боя, зашла к ней солдаты. В руках у них было пробитое пулями и окровавленное знамя. Они попросили, чтобы бабушка починила знамя. А бабушка сказала: «Ребята, мы вам многое знамя сошьём». Но солдаты сказали, что им нужно только это знамя. Они у этого знамени клятву давали на верность Родине.

Татьяна СУНИ

Мы прочитали книгу Аркадия Гайдара «Тимур и его команда» и решили стать тимуровцами.

Мы — это Мовчан Марина, Прохорова Наташа, Кустева Олеся, Симова Таня, Андреева Света, Воробьёва Лариса, Александрова Оля. Мы помогаем ветеранам: носим воду, ходим в магазин, топим печи, работаем в огороде. До сих пор это была наша тайна. Теперь мы её рассказали. Мы благодарим ветеранов за мир, который они завоевали для нас.

Наташа ПРОХОРОВА

ИРИНА
СЕМЕНОВА

АЗБУКА

ВЫПУСК
5

художник
О. МОНИНА

ЗДОРОВЬЯ

Недавно я получила письмо от Никиты из пионерского лагеря «Дружба». Большое письмо, обстоятельное. Но вот что меня в нём насторожило. «Когда мы пошли в лес,— пишет Никита,— Коля Малюфеев нарвал красивых ягод. Они были похожи на смородину. Коля стал всех угощать, но ребята отказались — ягоды незнакомые, лучше их не есть, говорили ему. Он не послушал, повел. В лагерь мы его несли. Ягоды оказались ядовитыми, он отравился и сам идти не мог. Ну и переполох поднялся! Доктор, вожатые — все испугались. Только на третий день Колю выпустили из изолятора».

Грустная история, и хорошо, что она для Коли закончилась благополучно. К сожалению, так бывает не всегда. Чего только не пробуют в лесу неосторожные ребята! Один нашёл траву, похожую на петрушку, а это оказался ядовитый болиголов. Другому понравился какой-то корешок. По вкусу совсем редиска. На самом деле оказался это корень вежа, тоже ядовитого растения. Многие прельщаются красивыми, крупными ягодами красавки. Совсем как вишня, только на низком кусте растут. Стоит съесть такую «вишню», и навалится тяжёлый болезненный сон. Недаром красавку зовут в народе «сонной одурью».

Нельзя есть незнакомые растения! Не забывайте об этом, ребята, и тогда с вами не произойдет то, о чём написал Никита. Есть в его письме ещё одно место, о котором стоит поговорить. Вот оно. «Вчера был тёплый, солнечный день. Мы ходили в колхоз, помогали на прополке. Наш отряд занял второе место. Мы бы и первое заняли, да мешали кепки. На нос съезжали. Ребята хотели снять, а вожатый не разрешил. Мы на него даже обиделись».

Зря обиделись! Вожатый был прав. Мозг человека очень чувствителен к перегреву. Непечёт макушку пальчащими лучами солнца, и вокруг всё закружится, температура поднимется. Будет солнечный удар. Какая уж тут помощь колхозу! В ясный солнечный день с непокрытыми головами ни гулять, ни работать нельзя. Это правило. Его нужно выполнять.

Есть ещё несколько летних правил, которые я прошу вас запомнить:

1. Если вы загорали, то перед купанием посидите несколько минут в тени, остыньте.
2. Не прыгайте с разбегу в незнакомую реку. Это опасно, в ней могут быть коряги.
3. Не сидите на сильном ветру в мокрых купальниках и плавках. Наденьте сухие.

Ребята!

Сочините рассказ по этим картинкам.

ПЕСЕНКА ВЕТРА, ТРАВЫ И РУЧЬЯ

Музыка
М. Тютюнов
Стихи
Т. Золотухина

Рис. И. БЕРЕЗНИЦКАЯ

Пел ветер песенку свою:
«Всегда вперед лечу,
Увидеть всё в родном краю
Хочу, хочу, хочу».

Вздыхал ручей у берегов:
«Ждать не могу ни дня,
По всем пугам бегать готов,
Звоня, звоня, звоня».

Танулись травы вслед за ним
Зеленым острей:
«И мы на месте не стоим —
Растём, растём, растём».

Ручей, звеня, за ветром шёл
Увидеть край родной.
И пел в том, как хорошо
Весной, весной, весной.

Любопытные лягушки

Юрий КАЧАЕВ

В летний день я стоял на берегу лесного озера возле старого берега. Береза была одета в юбку из темно-зеленого лишайника. Недавно прошёл дождь. Редкие капли скрывались с ветвей и рождали на воде стеклянные кольца.

На солнце озерная вода просвечивалась до самого дна, и я видел, как там копошатся лягушонки. Наверное, и он заметил меня. Разводя перепончатыми лапками, он всплыл и высунул из воды луноглазую мордашку.

Прямо передо мной у берега плавала гнилая доска. Лягушонки поворачивали глазами, как перископы, осмелел и вышел на доску.

— Бур-бур,— сказал он,— Ты кто?

Я промолчал. Немного погодя над головой показались ещё одна голова, потом справа и слева беззвучно стали выплывать и другие. Их было столько, что вскоре я сбился со счёта.

— Бур-бур-бур!— спрашивали друг дружку лягушата.— Это что за дикий зверь?

Они подплывали всё ближе и по очереди карабкались на доску, к первому смельчаку.

«Ожидая, просто вылезают погреться»,— решил я. Но в пяти шагах плавала точно такая же доска, и на ней не было ни души.

Значит, всё-таки лягушата собирались нарочно поглядеть на меня!

— Бур-бур,— басом сказал я.— Вы что, в зоопарке?

И точно любопытные зевая мячиками попрыгали в воду.

Рис. В. ДМИТРИЕВА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЖУРНАЛ ИЗДАЕТСЯ
С МАЯ 1924 ГОДА

Главный редактор
А. ШЕВЧЕНКО

Редакция:
А. АКИМ,
С. АЛЕКСЕЕВ,
Т. АНДРОСЕНКО,
Г. ВЕРУ,
Н. ЕМЕЛЬЯНОВА,
И. ЗАХАРОВИЧ
(зам. главного
редактора),
М. КОРИНОВ,
В. ЛОСКИН,
Г. МАКАШЕВА,
В. МАТВЕЕВ,
А. МИТЯЕВ,
И. ОРЛОВА
(ответственный
секретарь),
Е. РАМЕР,
В. ЧИЖИКОВ

Редактор отдела
художественного
оформления
В. ШЛЯХИДИН

Технический
редактор
О. БОРИК

Самый набор
11 23.86
Подписано в печать
29.04
Формат 84x108 1/8
Тираж 10000 экз.
Годовая подписка
1000 экз. 13.4
Уч.-изд. 4
Литер. 10000 экз.
Цена 12 коп.
Знаки 100

Адрес редакции
журнала «Мурзилка»:
125015, Москва, А-15,
Новодмитровская ул.,
3а
Телефон: 285-16-81

Учредительско-
издательский
центр «ВЛКСМ»
«Молодая гвардия»

Типография права
Печатно-полиграфическое
Заводское изд-во
«ВЛКСМ»
«Молодая гвардия»
105030, Москва, М-30,
ГСП-4, Оружейная, 21

Мастер
Н. КОПЕНКО

Руководителем
В. ДУВАНОВА

КРОССВОРД

